

РОБЕРТ М.
ВЕГНЕР

ПАМЯТЬ
ВСЕХ СЛОВ

СКАЗАНИЯ МЕЕХАНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

Москва
Издательство АСТ

**МЕЕКХАНСКАЯ
ИМПЕРИЯ**

*Карта согласно
Кафедре Картографии
Императорского Университета.
Год 853
от основания Города*

ПРОЛОГ

Закоулок толстым, в пару футов, слоем заполняли старые тряпки, обломки ящиков, битые горшки и прочий мусор. И крысиные катышки, чья вонь придавала каждому вдоху своеобразный привкус. В тупичке этого царства находилась огромная бочка с отверстием, прикрытым тем, что некогда было, пожалуй, конской попоной, да такой, под которой конь и подох, а самой попоне пришлось еще несколько месяцев прикрывать его труп.

Перед бочкой сидела... вероятно, старуха: о поле этой кучи костей, завернутых в несколько тряпок, можно было лишь гадать. Седые космы спадали на грязное лицо, торчащие из обтрепанных рукавов руки заканчивались почерневшими когтями, а смрад, который она источала, заставлял и вонь крысиного помета внезапно обретать приятные нотки. На донце стоящего перед ней перевернутого ведра лежало шесть костей с разноцветными гранями, старых и выглаженных так, что увидеть на них точки было почти невозможно.

Старуха трясущимися руками загребала их в кожаный стаканчик, встряхивала и кидала, и каждый бросок ее вызывал стон у сидящего напротив мужчины — дворянина, если судить по короткому вамсу из добротного материала и по атласной рубашке, чьи манжеты были украшены монограммами.

— Две пики против королевы. Но на коне — бьет трех псов. Безголовая змея грызет мышь, — бормотала она.

Каждый бросок и каждая фраза, что она хрипела горловым шепотом, приводили к тому, что мужчина горбился все сильнее, а руки, которыми он загонял кости в стаканчик, все сильнее потели и тряслись. Но игру он не прерывал.

— Император и двор, — вспыхнул он внезапной радостью после очередного броска. — Император и двор, ты, старая обманщица!

Та покачала головой.

— Судьба не врет, судьба не обманывает, — сказала она с легким упреком в голосе и добавила: — Два броска. Два броска на смерть владыки. Что поставишь?

— Все, — широко улыбнулся мужчина. — Все и еще больше.

— Больше не нужно. Всего — хватит.

Кости спрятались в стаканчик.

Иатех молча следил за игрой, ни правил, ни ставок которой он не знал. Стоя под стеной, в нескольких шагах за спиной дворянина, он, казалось, оставался совершенно невидим для играющих. Сама же игра... он уже сумел понять, что для нее важны как выброшенные точки, так и цвета. Например, последний из сделанных бросков принес дворянину расклад от одного до шести на красных гранях.

Старая женщина встряхнула стаканчиком и метнула кости на деревянное донце ведра. Те широко покатались... и остановились, открыв черные грани, украшенные белыми точками. Одна, две, три, четыре, пять, шесть.

— Врата Дома Сна.

Мужчина побледнел.

Кости в стаканчике снова загрохотали и покатались по импровизированному столику.

От одного до шести, белые грани.

— Привратник вращает ключ. Врата открываются. Смерть забирает владыку и его двор. Конец игры.

Мужчина странно рассмеялся, почти женским хихиканием, одновременно поднимая бледную ладонь к губам.

— Еще один бросок, — прошептал он голосом, от которого по коже шли мурашки. — Один бросок. Ничего больше.

— Хорошо. Что поставишь?

— Все. Все...

— Все ты уже поставил. Нет больше ничего. — Костяной палец указал на выход из переулка. — Ступай навстречу своей судьбе.

Дворянин поднял голову, медленно, будто лунатик, словно только очнулся ото сна, протер глаза и, покачиваясь, двинулся в указанном направлении.

Иатех подождал немного, прежде чем подошел и занял место напротив старухи.

— Всякий судьбу вызывает. Всякий выигрывает.

— Или проигрывает, Лабайя из Биука.

Он и не заметил, когда Канайонесс появилась на входе в закоулок, но сидящая перед ним женщина резво замахала руками, словно пытаясь сплести нечто из воздуха. Иатех перехватил ее ладони и прижал их к ведру. Кожаный стаканчик упал на землю, кости раскатились во все стороны, исчезнув в мусоре.

Их хозяйка с явным неодобрением прищелкнула языком.

— Ну-ну, после стольких-то лет — и такое-то приветствие... А я надеялась на кубок легкого вина и кусочек пирожного. — Она драматично вздохнула. — Скажи мне честно, ей все это еще не надоело? У нее храмы и часовенки в каждом городе, местечке и селе, даже здесь,

не далее как в двух улицах отсюда стоит ее крупный храм, а она возвращается к корням. Ты и твои сестры... таинственные Прядильщицы Предназначения, что встречаются в темных переулках, в углу трактира, на перекрестках дорог. Всегда предлагают игру с Судьбой ради исполнения любого желания, которое только может быть у человека. Одна всегда выигрывает, вторая всегда проигрывает, третья... серединка на половинку. А после пары партий — бесследно исчезают. Эйфра и правда желает развлекаться?

Старуха перестала вырывать руки, зато косо взглянула за спину Йатеха.

— Но это действует, дитя. Действует, да еще как. Все знают историю о старой Лабайе, или Китчи-от-Улыбки, или Огевре, Госпоже Несчастий. И многие нас ищут. А рассказы о тех, кто нас нашел и выиграл благодаря этому лучшую судьбу, значат куда больше, чем тысячи жертв, всесожжений, приносимых в тысячах храмов одновременно. Пробуждают веру, надежду... Так это происходило у начал мира и так будет происходить, когда звезды начнут падать на землю. Первоначальная Сила наполняется мечтаниями.

— Знаю, знаю. Любые средства хороши, чтобы обратить на себя внимание смертных. — Что-то прошелестело, треснуло с глухим звуком, когда Малышка Кана вошла глубже в переулок. — Странно, что я не слышу криков храмовой стражи... Или твоя госпожа решила меня обновить?

Йатех усилил хватку, полагая, что старуха сделает нечто глупое. Поручение Канайонесс было очень ясным: что бы ни происходило, он не может отпустить рук этой женщины или позволить ей потянуться к тому, чем она играла.

— Нет. Но знаешь, как говорят: ее миры — там, где стучат кости. А собственно, раз мы уже об этом — здесь

тоже шла игра. Я — ее жрица, а ты как раз идешь по освященной земле, дитя. Смотри внимательней, куда ставишь ноги.

— Я смотрю. К тому же — я едва лишь почистила сапоги.

Девушка села рядом с Иатехом и подняла лежащий среди мусора стаканчик.

— Сколько же лет... — Она понюхала его, словно дегустатор, пробуя аромат редкого напитка. — Это тот самый, верно? Тот самый, которым ты сыграла с ней в кости и проиграла. Один бросок ради души одного человека...

Иатех почувствовал, что смотрит на него.

— Забавно... — продолжила она. — Знаешь, я не думала, что Эйфра настолько сентиментальна. Может, я буду такой же.

Она плеснула в ладони — и стаканчик исчез.

За вуалью грязных волос глаза старухи превратились в ледяные шарики.

— Фокусы, — фыркнула она презрительно. — Моя госпожа за тобой не гонится, нежеланное дитя, но если ты захочешь, чтобы она начала, — то заберет тебя с собой.

— Ох. За мной гонится уже столько всяких, что если однажды догонят, то будет их изрядное число.

Канайонесс вздохнула, потянулась за спину и достала стаканчик.

— Я думала, что у меня выйдет лучше, но, видно, руки начали забывать умения.

Она поставила емкость на донце ведра и подняла рассыпавшиеся кости.

— Всякий судьбу вызывает. Всякий выигрывает, — пробормотала она. — И что? Сыграем?

Иатех почувствовал, как женщина каменеет. Открыла и закрыла рот, словно лишившись речи.

— Один бросок. Одной костью. Меньшее значение — выигрывает. — Малышка Кана, казалось, не заметила выражения лица старухи.

— Что... что поставишь?

— Не спрашиваешь, на что сыграю я? Тот, — она махнула рукою к выходу из переуллка, — играл на смерть жены и на наследство, которое мог бы с этого получить, верно? А я? Как полагаешь? На что сыграю?

Йатех увидел, как лоб Лабаии покрывают капельки пота.

— А на что хочешь?

— На встречу со знакомой персоной.

Воин уголком глаза отметил усмешку черноволосой девушки и был лишь благодарен, что не видит ее лица. Старуха побледнела.

— Я ищу ее вот уже много лет, но персона эта прекрасно прячется. Раз, несколько месяцев назад, нам почти удалось, но у меня отобрали возможность... разговора, а потом нас разделили. Теперь я хочу быть уверена, что найду ее и что она от меня не сбежит.

— И Судьба должна дать тебе такой шанс?

— Как видишь, я в отчаянии.

Лабаия прикрыла глаза и замерла на миг.

— Что поставишь? — Голос старухи нисколько не изменился, но в нем появилось... нечто мрачное.

— Ох, ты пришла, Эйфра. Я не думала, что ты появишься лично. — Девушка чуть наклонила голову набок, словно птица, что пытается лучше присмотреться к интересной блестяшке. — Керу'вельн, можешь ее отпустить.

Йатех выпустил худые запястья и невольно вытер руки о штаны. Кожа женщины миг назад сделалась ледяной и мокрой. Да старуха наверняка давным-давно не мылась. Он почувствовал прикосновение к плечу.

— Вынь меч.

Ифир скрежетнул об оковку ножен.

— Если я сниму руку с твоего плеча — убей ее. — Малышка Кана указала на Лабайю. — Целься в лицо.

Он упер клинок в ведро, направив рукоять в сторону сморщенного лица.

Ответила ему улыбка. Холодная и ироничная.

— Хочешь разозлить меня, Канайонесс? С той поры, как ты убегаешь, многие приносят жертвы в моих храмах с мольбами о твоей поимке. Безрезультатно. Пока что.

— Может, оттого, что я вне твоей власти, Эйфра. Хотя, если кому и удастся до меня добраться, ты ведь наверняка объявишь, что это результат твоей милости. Как обычно. А он не сумеет тебя ранить.

— Но вот мою служанку — сможет. А я плачу верностью за верность.

— Ну, если ты так говоришь...

Переулок наполняла тишина, даже отголоски с главной улицы исчезли.

— Пытаешься меня оскорбить? Чего ты хочешь?

— Я уже сказала.

— Я не вмешиваюсь в вашу войнушку. Соблюдаю нейтралитет.

Малышка Кана причмокнула, развеселившись.

— Нейтралитет... Напомни-ка мне, это что, такое мягкое определение трусости — или глупости? Никогда я не могла этого запомнить.

— Не провоцируй меня.

— А не то? Я вижу пот, что бороздит новые русла на лице твоей служанки, и все раздумываю: это ее страх или твой? Страх — хорошее чувство. Я не боюсь, ты помнишь? Вы забрали мой страх, убили его, а после позволили мне жить. Это очень глупо — позволять жить тому,

чей страх убит вашими руками. Один бросок одной кости, честный, без твоих обычных фокусов. Низшая ставка выигрывает.

— Что ты поставишь?

— Все.

Он во второй раз увидел, что старухе не хватает слов.

— Один бросок одной кости, — повторила Малышка Кана. — Выигрывает меньшая. Бросаем одну и ту же кость, не используем Сил, не разрешены крики и толчки столика. И пение. Пение — тоже запрещено. Решительно. Тот, кто так сделает, — проиграет. Это будет такое... — в словах ее таилась усмешка, — возвращение к корням. Что скажешь? Не хочешь вновь ощутить ту дрожь, когда все зависит от этой крохотной, перекатывающейся безделушки? Пережить момент, когда — прежде чем кость остановится — может произойти что угодно? Легко выигрывать у смертных, но разве тебе это не наскучило? Я готова рискнуть. Ставлю все, а ты — встречу с персоной, которую я разыскиваю. Решайся, поскольку, если я выйду из этого закоулка, следующего шанса у тебя не будет.

Богиня, скрытая в теле жрицы, кивнула.

— Ты многого требуешь... Игра может оказаться не стоящей ставки. Даже для меня.

— Тогда — я увеличу твои шансы, Эйфра. Время до рождения и безумия. Ничья тоже отдаст победу тебе.

Установилась тишина. И когда уже казалось, что ничего из спора не выйдет, они дождались медленного кивка и хриплого шепота:

— Я согласна.

Канайонесс, не отпуская плечо Иатеха, свободной рукою вбросила одну кость в стаканчик.

— Я первая.

Она крутанула посудинной.

Кость затанцевала на донце ведра, и шесть точек на красном поле издевательски им ухмыльнулись.

Хихиканье старухи звучало так, словно ремнем терли кусок стекла.

— Ты проиграла... проиграла... я еще не бросала, а ты уже проиграла. Судьба немилостива к тебе.

Малышка Кана даже не дрогнула.

— Твой бросок.

— Зачем, детка? Зачем? Я не могу выбросить семерку, а ничья приносит победу мне. Ты проиграла.

— Всякая игра должна иметь начало и конец. Эта не закончится, пока ты не бросишь.

Похожие на когти пальцы загнали кость в стаканчик.

— Ну, если правила так важны для тебя... — Лабайя энергично встряхнула посудиною, — то пусть все формальности будут исполнены.

Разноцветный кубик покатился по донцу ведра.

Ладонь Канайонесс оторвалась от плеча Йатеха, а его меч выстрелил в сторону лица старой женщины. И тотчас та самая ладонь упала на его запястье, удержав клинок в полудюйме от морщинистого лица. Но было уже поздно.

Возможно, убежденная в своей победе богиня ослабила контроль над телом своей жрицы, а возможно, даже Бессмертных можно поймать врасплох, но хватило и того, что старуха вскрикнула испуганно и отпрыгнула назад, с размаху пнув ведро.

Кость упала с него и исчезла в куче мусора.

В закоулке снова воцарилась тишина, но на этот раз тишина эта была иной, чем в прошлый раз. Густой и мрачной. А когда Йатех взглянул на встающую с земли Лабайю, то увидел уже не старуху, но лишь Присутствие. Приведенную в бешенство богиню.

— Ты-ы-ы-ы... — Казалось, голос ее резал воздух.